

Е.В.Иванова, Л.Г.Жуховицкая

ПИСЬМА Б.П.СИЛЬВЕРСВАНА М.ГОРЬКОМУ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА А.М.ГОРЬКОГО ИМЛИ РАН)

Статья посвящена истории отношений М.Горького с одним из сотрудников издательства «Всемирная литература», приват-доцентом Петербургского университета, германистом и специалистом по скандинавским литературам Б.П.Сильверсваном, который входил в Редакционную коллегию экспертов издательства по отделу скандинавских литератур. Известность Сильверсван получил после публикации его письма к А.В.Амфитеатрову 1931 года, ставшим ключевым свидетельством в вопросе о причастности Н.С.Гумилева к Таганцевскому заговору. В данной публикации используется другая часть этого письма Сильверсвана, где он рассказывает о содержании своего разговора с Горьким, состоявшегося осенью 1921 года, накануне бегства Сильверсвана из России вместе с Евдокией Петровной Струковой, секретарем издательства «Всемирная литература» и хорошей знакомой Горького. В этом разговоре Горький не только поддержал их намерение эмигрировать, но и сделал целый ряд признаний, касающихся его отношения к большевистским властям и В.И.Ленину. Письма Сильверсвана Горькому публикуются впервые по автографам из Архива А.М.Горького Института мировой литературы им. А.М.Горького Российской академии наук. Они свидетельствуют о том, что писатель продолжал поддерживать отношения с Сильверсваном в период эмиграции и откликнулся по мере возможностей на его просьбы и ходатайства.

Ключевые слова: издательство «Всемирная литература», Б.П.Сильверсван, Е.П.Струкова, переписка М.Горького, отношения Горького с эмиграцией

В истории издательства «Всемирная литература» Борис Павлович Сильверсван (1883—1934) не оставил заметного следа, хотя его имя как члена Редакционной коллегии экспертов по отделу скандинавских литератур регулярно присутствует в протоколах заседаний. Единственное содержательное упоминание о деятельности Сильверсвана сохранилось в дневнике Чуковского, отметившего его «убийственный доклад об Эйхенбауме как редакторе Шиллера» (Запись 8 декабря 1920 года) [1].

Уже после эмиграции Сильверсвана в издательстве вышла отредактированная им книга Й.В.Йенсена «Ледник. Мифы о ледниковом периоде и первом человеке»¹ по разделу датской литературы. До эмиграции в переписке Горького Сильверсван был упомянут единственный раз в списке сотрудников «Всемирной литературы», которых писатель просил освободить от Всеобщего военного обучения [2].

Кажущиеся незначительными результаты деятельности Сильверсвана совершенно не соответствовали роли, которую он играл в издательстве благодаря большому научному авторитету. Германист и специалист по скандинавским литературам, приват-доцент Петербургского университета, Б.П.Сильверсван происходил из семьи обрусевших шведов. В университете его наставниками были А.Н.Веселовский и Ф.А.Браун, последний считал его одним из самых талантливых своих учеников. Помимо научной карьеры, Сильверсван увлекался театром, печатался в театральных изданиях, известны две его рецензии, опубликованные в газете «Театр и искусство» на пьесы Л.Андреева², в первой из них автор попутно раскритиковал «Заметки о мещанстве» М.Горького за «ненужную» нетерпимость и столкновение двух миров.

После революции Сильверсван сотрудничал в Историко-театральной секции Театрального отдела (ТЕО) Наркомпроса вместе с А.Блоком, в протоколах секции он упоминается как участник проекта издания пьес мирового репертуара, где он должен был составлять раздел северного и скандинавского театра (проект не состоялся) [3, с. 173, 180, 197]. В протоколах издательства «Всемирная литература» он упоминается с 1919 года, но каких-либо его заметных выступлений не зафиксировано.

Скандалным и неожиданным моментом его бегства в Финляндию стало то, что вместе с ним эмигрировала Евдокия Петровна Струкова (1886—1937), руководившая секретариатом «Всемирной литературы»; ее связывали с Горьким давние отношения, начавшиеся еще в 1916 году, когда она была приглашена стенографисткой для записи воспоминаний Ф.И.Шляпина; эти воспоминания были отредактированы Горьким для автобиографии Шляпина «Страницы из моей жизни».

Позднее Струкова сотрудничала в журнале «Летопись», во «Всемирной литературе» она была секретарем А.Н.Тихонова, вела его личную переписку и протоколы заседаний. Незадолго до своего бегства, 2 сентября 1921 года она писала Тихонову: «Здесь так ужасно, одна смерть за другой. <...> Может быть, семье Н.С.Гумилева и А.А.Блока можно было бы выдать причитающуюся разницу в жалованье теперь же, не дожидаясь получения денег от Госиздата. <...> Сегодня рассчитывали дать в Коллегию очень много готовых томов и других материалов, но опять ничего не выйдет на этом заседании, так как вчера пришло известие о смерти Н.С.Гумилева»³.

Видимо, Тихонов каким-то образом способствовал отъезду Струковой и Сильверсвана, во всяком случае почти четыре года спустя, 27 февраля 1925 года, в дневнике Чуковского по поводу внезапного ареста А.Н.Тихонова записано: «Вчера узнал, что на Гороховую по делу Тихонова вызывались Лернер и Губер, — люди наименее осведомленные. Оказывается, Тихонова обвиняют в том, что он помогал перейти границу

Струковой, Сильверсвану, Левинсону и кому-то еще...» [4]. Как именно эмигрировали Сильверсван и Струкова из России, известно немного. Существует версия, что они бежали на лодке через Финский залив. Чуковский же писал о переходе границы с помощью Тихонова. Публикуемые письма больше отвечают второй версии, так как Сильверсвану удалось вывезти некоторые художественные ценности, которые позволили ему на первых порах жить в Финляндии.

Струкова пользовалась большой симпатией у сотрудников «Всемирной литературы»: Чуковский вспоминал в дневнике о том, что она ссужала его деньгами, о ее помощи и хлопотах неоднократно пишет Блок в своих записных книжках, в его архиве сохранилось три письма Струковой⁴.

В Финляндии Струкова стала женой Сильверсвана, и, как он сообщал Горькому в письме от 24 декабря 1930 года, у них родилась дочь, но никаких сведений о ней и ее судьбе не сохранилось, даже ее имя установить пока не удалось. Ничего неизвестно и о судьбе самой Струковой после смерти Сильверсвана. Спустя почти 20 лет после ее смерти остатки архива Струковой были переданы К.И.Чуковскому через ее сестру М.П.Струкову, жившую в Москве. Часть архива Чуковский тогда же передал в РГАЛИ, это был полный текст стенограммы воспоминаний Шаляпина в записи Струковой⁵. Остальные документы Е.Ц.Чуковская позднее передала в Рукописный отдел Пушкинского Дома [5], предварительно опубликовав их в блоковском томе «Литературного наследства» [6, с. 315-316].

Имя Сильверсвана стало известно после публикации Вадимом Крейдом его письма А.М.Амфитеатрову от 20 сентября 1931 года⁶. Он оказался ключевым свидетелем в таком важном для истории «Всемирной литературы» деле, как участие Н.Гумилева в Таганцевском заговоре; на это письмо опираются все без исключения биографы Гумилева. В данной публикации мы не будем непосредственно касаться этой темы, надеясь в дальнейшем посвятить ей отдельную статью. В рамках настоящей публикации остановимся на другой части этого письма, на которую мало обращают внимания: на записанном Сильверсваном разговоре с Горьким накануне своего бегства. В этом разговоре ярко отразились умонастроения Горького в период, когда он также готовился к отъезду из России по настоянию Ленина, запись разговора заслуживает того, чтобы процитировать ее полностью:

«Теперь я хочу вам рассказать о моем свидании с Горьким после таганцевских расстрелов; разговор, бывший во время этого свидания, я тогда не дословно записал и хранил эту запись в надежном месте и потом привез сюда; сперва хочу сказать, что я лично уверен, что Горький был вполне искренен; уверен я, что он искренен и теперь, говоря совсем противоположное; вообще я не считаю Горького “продавшимся”, а считаю его прежде всего человеком непросвещенным, а кроме того — легко поддающимся чужому влиянию; как бы то ни было, а в начале сентября 1921 года я пришел к нему на квартиру, чтобы заявить ему о своем решении бежать за границу; я считал своим долгом сделать это, т.к. в феврале 1921 года был выпущен из чека за поручительством Горького и дал подписку о невыезде из Петербурга. Вот наш разговор слово в слово.

Я. А<лексей> М<аксимович>, т.к. вы взяли меня на поруки из ЧК, я считаю своим долгом предупредить вас, что я бесповоротно решил бежать за границу.

Г<орький>. Благое дело, благое дело, голубчик; я тоже скоро уеду; о поручительстве моем не беспокойтесь; да помилуйте, что это такое? Какие это революционеры, социалисты? Все это сволочь, убийцы, воры; я вам скажу, я всякую веру в них потерял; мой совет — всем уезжать, кто только может, они ведь всех убьют, всю интеллигенцию уничтожат. Надо спасаться, надо спасаться.

Я. А скажите, А<лексей> М<аксимович>, неужели никого нельзя было спасти из убитых по таганцевскому делу?

Г<орький>. (сильно волнуясь, со слезами на глазах). Вы видели, видели, кто от меня сейчас вышел? (Входя, я встретил выходящую от него даму в трауре.). Это жена Тихвинского; Ленин его хорошо знал; Ленин мне говорил про него: «Вот это голова! Нам такие люди нужны, очень нужны»⁷. И вот видите?

Я. Т.е. вы хотите сказать, что даже Ленин не мог здесь ничего сделать?

Г<орький>. (после небольшого колебания). Я вам расскажу. Я несколько раз ездил в Москву по этому делу. Первый раз Ленин сказал мне, что эти аресты — пустяки, чтоб я не беспокоился, что скоро всех выпустят. Я вернулся сюда. Но здесь слышу, что аресты продолжают, что дело серьезно, командированы следователи их Москвы. Я опять поехал в Москву; прихожу к Ленину. Он смеется: “Да что вы беспокоитесь, А<лексей> М<аксимович>, ничего нет особенного. Вы поговорите с Дзержинским”. Я иду к Дзержинскому, и, представьте, этот мерзавец (sic!) первым делом мне говорит: “В показаниях по этому делу слишком часто упоминается ваше имя”. Что же, я говорю, вы и меня хотите арестовать? — Пока нет. Вижу, дело серьезное. Я пошел к Красину. Красин страшно был возмущен. Мы вместе с ним были у Ленина. Ленин пообещал поговорить с Дзержинским. Потом я несколько раз звонил Ленину, но меня не соединяли с ним, а раньше всегда соединяли. Наконец я опять добился быть у него; он сказал, что поручается, что никто не будет расстрелян; я уехал; в Петрограде через два дня прочел в газетах о расстреле всех. А с Романовыми хуже было. Я в Москве упросил Ленина отдать мне их на поруки (речь идет о Вел<иких> К<нязьях> Ник<олае> Мих<айловиче>, Пав<ле> Ал<ексан>дровиче, Георг<ие> Мих<айловиче>, Конст<антине> и Иоан<не> Конст<антиновиче> — Б<орис> С<ильверсван>), и он мне выдал бумагу, по которой я могу увести их из чека; я сел в поезд в тот же вечер и утром уже был в чека с бумагой; мне говорят: сегодня ночью расстреляны. Как, почему? По телефонному распоряжению Ленина из Москвы (sic!!!).

Я. Но... после этого... что же такое Ленин?

Г<орький>. (вдруг стихнул, как будто смущенный). Ленин... видите ли... это прежде всего человек... безмерно хитрый (sic!).

Я. Безмерно хитрый? Другими словами — подлец 96-й пробы!

Г<орький>, насупившись, молча смотрит перед собой.

Я. А<лексей> М<аксимович>, но об этом нельзя же молчать?

Г<орький>. (скривившись). Да, за границей я опубликую мои о них сведения! Пусть все узнают, это так оставить нельзя. Дзержинский задерживает мне паспорт, но я его получу!

Я. А<лексей> М<аксимович>, это будет иметь огромное значение, это необходимо сделать! (Дальше идет сердечное прощание, пожелания, etc.)

Горький уехал за границу; я все ждал его разоблачений; вместо них он написал... восторженную статью о Ленине — и такую же о Дзержинском! Дальнейшее — известно. Этот любопытный разговор я не сделал — и не сделаю — достоянием печати, пока существуют большевики, о нем знают только мои близкие и Ю.А.Григорков⁸. Повторяю, в искренности Горького я не сомневаюсь; сообщаю Вам копию моей записки доверительно; одно время я так злился, что хотел опубликовать эту беседу в “открытом письме Горькому”, но решил, что пока большевики не сдохли, это может быть похоже на донос, и мы с Евд. П. решили держать это под спудом, сообщая лишь близким друзьям⁹.

Встает вопрос, насколько достоверно свидетельство Сильверсвана о состоявшемся разговоре. Сам он утверждал в письме к Амфитеатрову, что записал разговор по горячим следам и эти записи он хранил. Сохранявшиеся доверительные отношения с Горьким в период эмиграции, отразившиеся в публикуемых далее письмах, говорят в пользу подлинности записей. Некоторые затронутые в разговоре сюжеты, в частности, жалобы Горького на неудачи его заступничества перед большевиками, подтверждаются и другими мемуаристами — Н.М.Волковским, Е.Замятинным, И.И.Манухиным, — их приводит Р.Д.Тименчик в статье о Гумилеве [7, с. 120-121]. Но рядом с этим исследователь привел весьма скептическое высказывание Г.Адамовича: «Горький будто бы телеграфировал Ленину, прося вмешательства. Ленин, вероятно, впервые слышал имя Гумилева, — если только действительно Горький с ним по этому делу говорил, — Ленин будто бы написал два слова петербургским чекистам. История темная. Как не раз уже бывало в подобных случаях, распоряжение об отмене приговора пришло “слишком поздно”. Не то почту не разобрали вовремя, не то телеграф, как назло, не работал...» [7, с. 122].

Но Адамович едва ли понимал драматизм положения, в котором находился Горький. Со стороны могло показаться, что большевики наделили его большими полномочиями: издательство «Всемирная литература» финансировалось исключительно под его авторитет [8], то же самое можно сказать и про другие проекты Горького — Секцию исторических картин, Профессиональный союз деятелей художественной литературы [8, с. 311-321], проект «Сто лучших русских книг» [9]. Для всех этих проектов Горький стал единственным гарантом существования, но полномочия оказались сопряжены с постоянной необходимостью защищать своих сотрудников от тех же большевиков, поскольку при новой власти рядовым стали такие явления, как конфискации имущества, голод, отсутствие отопления, призывы на общественные работы и воинскую службу, уплотнение квартир; Горькому постоянно приходилось защищать своих сотрудников от этих нападений.

Хлопотать приходилось не только за них: постепенно Горький стал единственным, кому дано было право, как говорили в старину, «печаловаться за народ», за всех тех, кого в тех исторических условиях называли «бывшие». Просьбы о заступничестве стекались к Горькому со всех сторон, количество обращений, которые он писал и подписывал вплоть до своего отъезда из России осенью 1921 года, не поддается никакому учету, эти хлопоты всецело заполняли жизнь писателя до его отъезда. В первом письме Сильверсвана Горькому есть характерный пример: чтобы просто забрать собственные вещи со склада, надо было заручиться письмом Горького, а в письме Сильверсвана Амфитеатрову упоминается еще и о том, что в феврале 1921 года его выпустили из-под ареста, и опять под поручительство все того же Горького.

При этом никакой реальной властью Горький не обладал, в качестве заступника он постоянно находился в положении просителя, а с определенного момента его ходатайства стали откровенно раздражать большевистские власти, они все чаще наталкивались на отказы, о чем и поведал Горький в разговоре с Сильверсваном. Оценивая роль Горького в тех исторических условиях, современники не хотели видеть сложность его отношений с большевистскими властями. В результате он подвергался критике как со стороны защищаемых им «бывших», так и со стороны властей, в итоге по прямому указанию Ленина («не уедете — вышлем») писатель вынужден был покинуть Россию.

Вспоминая свой разговор с Горьким осенью 1921 года, Сильверсван отмечает сложное настроение своего собеседника, расхождение между словами и делами, но он, как и все другие, довольно смутно представлял реальное положение, в котором находился писатель. 27 августа 1921 года был распущен организованный при его инициативе Всероссийский комитет помощи голодающим, ведущие деятели комитета были арестованы и некоторые из них впоследствии расстреляны. Книги «Издательства З.И.Гржебина», также созданного при активном участии Горького, не допускались в Россию, только что умер А.Блок, хлопоты Горького о его выезде в Финляндию на лечение также оказались запоздалыми и безрезультатными из-за противодействия властей, словом, все его инициативы оказывались тщетными. Положение Горького накануне отъезда в Берлин осенью 1921 года — отдельная тема, и записанный Сильверсваном разговор с писателем содержит важные штрихи для общей картины. Письма Сильверсвана печатаются по автографам в Архиве Горького, установить местонахождение ответных писем Горького пока не удалось.

Письма Б.П.Сильверсвана Горькому

1.

17 января 1920, Петроград

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Простите великодушно, что докучаю Вам личными просьбами; их у меня две: первая — просьба подписать прилагаемую бумагу, с которой я должен в 2 ч. явиться сегодня к Прусакову, во избежание больших неприятностей; вторая касается реквизиции всего моего имущества, оставшегося на Петерб<ургской> Стороне в складе (я переехал 1½ года тому назад в меблиров<анные> комн<аты>, а все что у меня было сдал на хранение); теперь собираются это все «национализировать»; но удалось бы спасти это, если б некто тов. Бакланов, завед<ующий> складами и жилищная комиссия Петроградск<ого> Совета разрешили мне взять это из склада; такие разрешения даются сейчас, но без Вашей записки ничего нельзя сделать. Мне по правде совестно Вам надоедать, однако вопрос этот для меня бесконечно важен (у меня в складе — буквально все, даже книги, вещи и бумаги покойн<ого> отца и т. д.)

М<ожет> б<ыть>, Вы будете добры черкнуть в ответ, когда я мог бы Вас увидеть по этому делу? Всего хорошего!

Искр<енне> уважающий Вас Б.Сильверсван

На бланке издательства «Всемирная литература». Печатается по автографу: АГ. КГ-П 71-12-1.

2.

7 ноября 1921 г., Келломяки.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Я приехал сюда 29-го окт<ября> вместе с Евдокией Петровной и написал Вам в Munksnäs¹⁰; это письмо Вас, по-видимому, там уже не застало. 11-го числа мы кончаем карантин и будем затем в Гельсингфорсе, в течение, я думаю, трех-четырёх недель; адрес: Helsingfors, poste restante, т. к. я еще не знаю точно, где остановимся. Искренний привет!

Уважающий Вас

Б.Сильверсван

Печатается по автографу: АГ. КГ-П 71-12-2.

3.

Гельсингфорс, 9 янв<аря> 1922 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Вам, может быть, известно, что мне удалось благополучно добраться до Финляндии, хотя, кажется, мое письмо из карантина не дошло до Вас. Я думал увидаться с Вами в Германии, куда мне необходимо как можно скорее приехать¹¹ и я должен был быть там уже давно, но сижу уже 2 месяца в Финляндии из-за одного нелепого недоразумения с деньгами. Теперь дело затянулось настолько, что тех денег, которых я ожидаю со дня на день, хватит лишь на расплату здесь, а как придется добираться до Берлина, — не знаю. У меня есть с собой очень ценные художественные вещи, которые я купил в Петербурге, продав свою библиотеку, но в Финляндии их реализовать невозможно, как это выяснилось теперь, т. к. нет покупателей. Получается ужасная ерунда: сижу здесь без всякого дела, между тем как в Германии для меня имеется в виду много работы. Если Вы можете, то не будете ли добры одолжить мне нужную мне сумму до тех пор, пока я приеду в Берлин и устрою дела с продажей? В общей сложности на это уйдет не больше месяца. Вы бы меня страшно выручили, а то я морально пропадаю без работы¹².

Простите, если моя просьба некстати, но не откажите в любезности в двух словах протелеграфировать мне Ваш ответ, т. к. письма идут долго, и ужасно быть в неизвестности — да или нет¹³. Я еду не один, а с матерью и женой и нужно мне 20.000 финских марок; я могу спокойно ответить на эту сумму, т. к. мои картины, по оценке здешних экспертов, стоят minimum 50.000 франков.

Еще раз осень прошу Вас, Алексей Максимович, не отказать ответить мне телеграммой по адресу: Helsingfors, Broholmmsgatan 5 Herrn Verigin für Prof. Silversvan.

Всего хорошего!

Искренне уважающий Вас Б.Сильверсван

Печатается по автографу: АГ. КГ-П 71-12-3.

4.

Гельсингфорс, 24 декабря 1930

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Извините пожалуйста, что я обращаюсь к Вам с просьбой; Ваше, мне хорошо известное, всегдашнее сердечное отношение к подобным делам дает мне надежду, что и в этом случае, если возможно, Вы не откажетесь помочь. Речь идет об одном несчастном человеке, Георгии Кичине, который находится сейчас на лесных работах в Котласе, осужденный в августе 1929 г. на 4 года по делу о контрабанде (не политическому); он больной (сердце) и едва ли выдержит этот срок; человек никому не опасный; брат его, старушка-мать, жена и 3-х летняя дочка за границей сходят с ума из-за него. Нет ли какой возможности устроить его досрочное освобождение? Это было бы действительно очень большое доброе дело¹⁴.

Пожалуйста, Алексей Максимович, черкните словечко, можно ли им хоть надежду иметь.

Я живу с 1921 г. в Финляндии; работаю здесь в Универс<итетской> Библиотеке (описание рукописей и старинных книг русского отдела)¹⁵; у нас с Евдокией Петровной есть дочка, ей уже 6 лет. Погрузился с головой в науку, готовлю к печати две большие книги¹⁶. Буду искренне благодарен, если отзоветесь.

Уважающий Вас Б.Сильверсван

Helsingfors, Kauppalatsi, l. 315, Бор<ис> Павл<ович> Silversvan

Печатается по автографу: АГ. КГ-П 71-12-4.

5.

Гельсингфорс, 14 февраля 1931

Многоуважаемый Алексей Максимович, сердечное спасибо Вам за помощь в добром деле, о котором я Вас просил! Ваше любезное письмо я получил, к сожалению, с большим опозданием, т<ак> к<ак> целый месяц был тяжело болен (перенес две операции). Я совсем не намерен эксплуатировать Вашу всегдашнюю доброту по отношению к людям, попавшим в беду, но был бы Вам бесконечно благодарен, если бы Вы были добры еще сообщить мне, получили ли Вы какой-нибудь ответ на Ваши письма о Г<еоргии> Кичине¹⁷ и есть ли надежда на его освобождение; мать его прислала на днях слезное письмо. Позвольте мне надеяться на Ваш ответ.

Всего хорошего! Евдокия Петровна шлет Вам привет.

Уважающий Вас Б.Сильверсван

Helsingfors, Kauppalatsi, l. 315, B. Silversvan

Печатается по автографу: АГ. КГ-П 71-12-5.

6.

2. III. 1931

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Большое спасибо Вам еще раз за внимание к моей просьбе; сведения, полученные Вами о г<осподине> Кичине, явились для меня ошеломляющей новостью: родные его заверяли меня всеми святыми, что дело сие не касается совершенно политики; но раз оно получило характер «шпионского» дела, то приходится им быть довольными, что он отделался только ссылкой; не сомневаюсь, впрочем, что они мне не лгали, а сами имели неточные сведения о ходе дела. Позвольте мне надеяться, что Вы не будете в претензии на меня за ошибочное сведение и, если бы случилось мне обратиться к Вам с подобною просьбой, поверьте, что я сделаю это сперва сам точно проверив все и только в случае т<ак> ск<азать> «вопиющем», — в каком было бы просто приятно помочь.

Евдокия Петровна шлет Вам привет!

Уважающий Вас Б.Сильверсван

Печатается по автографу: АГ. КГ-П 71-12-6. Вероятно, Горький пересылал Крючкову это письмо Сильверсвана, на автографе в левом верхнем углу приписка рукой неустановленного лица: «Бор<ис> Павл<ович> С<ильверсван>. Каупрал. l. 315».

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект 21-18-00494 «История издательства “Всемирная литература” в документах: судьбы творческой интеллигенции России в постреволюционном пространстве сквозь призму издательского проекта Максима Горького».

Примечания

1. Йенсен Й.В. Ледник. Мифы о ледниковом периоде и первом человеке / Пер. А.В.Ганзен, под ред. Б.П.Сильверсвана, с прим. и предисл. А.П.Пинкевича. Пг.: Всемирная литература, 1922.
2. Сильверсван Б. К Звездам // Театр и искусство. 1906. № 32 (6 авг.). С. 488-489; и Заметка о Савве // Там же. № 39 (24 сент.). С. 599.
3. ЦГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед.хр. 58. Л. 426 и об.
4. РГАЛИ. Ф. 55 (А. Блок). Оп. 1. Ед. хр. 416.
5. РГАЛИ. Ф. 1192. Оп. 2. Ед.хр. 30. Здесь же хранится небольшой расшифрованный отрывок этой стенограммы — там же. Ед.хр. 31.
6. Панорама (Лос-Анжелес). 1989. 15—22 декабря. С. 16-17.
7. Тихвинский Михаил Михайлович (1868—1921) — инженер-химик, профессор Петроградского университета. По поводу ходатайства за него Русского физико-химического общества 3 сентября 1921 г. В.И.Ленин направил записку управляющему делами СНК и СТО Н.П.Горбунову: «т. Горбунов! Направьте запрос в ВЧК. Тихвинский не “случайно” арестован: химия и контрреволюция не исключают друг друга» [10]. По постановлению Петроградской губчека от 24 августа 1921 г. М.М.Тихвинский был приговорён к расстрелу по так называемому делу Петроградской боевой организации (Таганцевскому делу).
8. Григорков Юрий Александрович (18.05.1885—14.11.1961) — журналист, писатель, историк литературы. В 1919—1922 г. был редактором хельсинкской русской газеты «Новая русская жизнь». В 1921 г. первым брал большие интервью у участников Кронштадтского восстания. В 1934—1937 печатался в «Журнале Содружества» (Выборг). Автор многочисленных статей и очерков, самый известный из которых — воспоминания об А.И.Куприне.
9. Цитируется по перепечатке в статье [7, с. 119-120] с отдельными уточнениями по публикации [11].
10. Первый адрес Горького, по которому он жил после отъезда из России: Munknäs Pansionat.
11. Вероятно, Сильверсван рассчитывал получить работу в Германии через своего университетского наставника Ф.А.Брауна, который находился в это время находился там.
12. Как вспоминал Ю.Григорков, в первые годы по прибытии в Финляндию Сильверсван очень нуждался, «физическим трудом он не

- мог и не хотел заниматься, а другая была ему труднодоступна из-за незнания им Финского языка. После долгих мытарств, Б<орису> П<авловичу> посчастливилось, наконец, устроиться в Русский отдел Гельсингфорской университетской библиотеки. При содействии известного финского слависта, проф. И.Миккола, Б<орис> П<авлович> получил также работу в Государственном архиве» [12, с. 284].
13. В письме И.П.Ладыжникову от 23 января 1922 году Горький писал: «Сильверсвану я не могу дать денег и право же, не знаю, как ответить ему! Телеграмма в Финляндию стоит марок 300. На почту и телеграф уходят чертовы кучи денег...» [13]. Полгода спустя приезд Сильверсвана в Берлин еще не состоялся, 11 июня 1923 Горький писал В.Ф.Ходасевичу: «Скоро в Берлин придет Сильверсван, это будет весьма полезно для «Беседы» — не правда ли» [13, с. 193]. Об этом же Горький писал Ф.А.Брауну: «Достаточно объективного информатора о текущей литературе иноязычной — не вижу, разве — Сильверсван? Он скоро — на днях, — будет в Берлине» [13, с. 195]. Сотрудничество Сильверсвана в журнале «Беседе» не состоялось, журнал вскоре прекратил существование [14, с. 361-376].
  14. О Кичине (Китчине) см. примечание к письму 6.
  15. Работа частично опубликована [15, с. 79-92]. Статья содержала описание наиболее ценных книг в собрании библиотеки и имела примечание: «В 1920 году Советское правительство пробовало получить книги Русского Отдела по мирному договору. Попытка эта не увенчалась успехом; одинаково тщетны были позднейшие попытки купить библиотеку» [15, с. 92].
  16. Книги не были изданы, никаких следов этой работы найти пока не удалось.
  17. Горький находился в этот момент в Сорренто, хлопотать о Кичине он начал еще до получения этого письма Сильверсвана. 2 июня 1930 г. в шутовом тоне он обратился к Е.П.Пешковой, возглавлявшей в тот момент правозащитную организацию «Помощь политическим заключенным» («Помполит»): «Обратите гуманное Ваше внимание на прилагаемую при сем биографию финляндского американца, невинно пострадавшего за торговлю контрабандой! Оный чухонец, будучи женат, не заслуживает сочувствия за деятельность, разорительную для государства, но — при чем же здесь жена и 6 человек детей мал мала меньше?» [16]. Горький ранее был знаком с Кичиным, в его архиве сохранилось письмо Кичина от 4 августа 1921 г. (АГ. КГ-ин 2-5-1). После получения письма Сильверсвана Горький обратился к П.П.Крючкову, 15 января 1931 г. он писал: «Передайте прилагаемое письмо Г<енриху> Г<ригорьевичу> <Ягоде>, прочитав его, и затем сообщите мне “резюми” по обоим вопросам» [17]. В ответном письме от 3 февраля 1931 г. Крючков сообщал: «Говорил с Г<енрихом> Г<ригорьевичем>, помогать Кичину нельзя, осужден он Военным судом в шпионаже» [17, с. 637]. Неизвестно благодаря чьим хлопотам, но в 1932 г. Кичин был освобожден и получил разрешение на выезд в Финляндию. В 1935 г. в Лондоне вышла его книга на английском языке (Kitchin, G. «Prisoner of the OGPU» («Арестант ОГПУ»), London-Toronto-New York, 1935), одно из первых свидетельств об Усть-Сысольском Севлаге. В 1970 году книга была переиздана, на русский язык до сих пор не переведена.
1. Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 11. Дневник. 1901—1921. М.: Терра-Книжный клуб, 2006. С. 309.
  2. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 13. Письма. Июнь 1919—1921. М.: Наука, 2007. С. 20, 21.
  3. Иванова Е.В. Блок в Театрально-литературной комиссии и ТЕО Наркомпроса. Документальная хроника. Неизвестные письма и рецензия // А.Блок. Неизвестные материалы и рецензии. Литературное наследие. Т. 92. Кн. 5. М.: Наука, 1993. С. 134-223.
  4. Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. Дневник. 1901—1921. М.: Терра-Книжный клуб, 2006. С. 218.
  5. Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 2013 год. Новые поступления. СПб.: Академический проект, 2014. С. 728, 730, 736.
  6. Блок в архиве Чуковского. Публикация и примечания Е.Ц.Чуковской // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследие. Т. 92. Кн. 4. М.: Наука, 1987. С. 315-316.
  7. Тименчик Р. По делу № 214224 // Даугава. Рига. 1990. Август (158). С. 117-122.
  8. Иванова Е.В. Александр Блок: последние годы жизни. СПб.-М.: Росток, 2012. С. 282-292.
  9. Иванова Е.В. А.А. Блок в работе над проектом «Сто лучших русских книг» // Русская литература. 2020. № 4. С. 109-127.
  10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 53. Письма. Июнь — ноябрь 1921. М.: Госполитиздат, 1965. С. 169.
  11. Зубарев Д., Перченко Ф. На полпути от полуправд: О таганцевском деле и не только о нем [Электр. ресурс]. URL: <http://www.gumilev.ru/biography/92/#p17>; <http://gumilev.lit-info.ru/gumilev/bio/na-polputi-ot-polupravd-zubarev-perchenok.htm> (дата обращения: 20.06.2022).
  12. Григорков Ю.А. Б.П.Сильверсван (1883—1934) // Временник Общества друзей русской книги. 1938. Т. 4. С. 284.
  13. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 14. Письма. 1922 — май 1924. М.: Наука, 2009. С. 22.
  14. Вайнберг И. Жизнь и гибель берлинского журнала «Беседа» // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 361-376.
  15. Сильверсван Б. Русские книги Гельсингфорского университета // Временник Общества друзей русской книги. Т. III. Париж, 1932. С. 79-92.
  16. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 19. Письма. Апрель 1929 — июль 1930. М.: Наука, 2017. С. 315.
  17. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 20. Письма. Август 1930 — ноябрь 1931. М.: Наука, 2018. С. 182.

References

1. Chukovskiy K. Sobr. soch.: V 15 t. T. 11. Dnevnik. 1901—1921 [Complete works in 15 vols, vol. 11. Diary. 1901—1921]. Moscow, 2006, p. 309.
2. Gor'kiy M. Polnoye sobraniye sochineniy. Pis'ma: V 24 t. T. 13. Pis'ma. Iyun' 1919—1921 [Complete works. Letters in 24 vols, vol. 13. Letters. June 1919—1921]. Moscow, 2007, pp. 20, 21.
3. Ivanova E.V. Blok v Teatral'no-literaturnoy komissii i TEO Narkomprosa. Dokumental'naya khronika. Neizvestnye pis'ma i retsenziya [A block in the Theater and Literary Commission and the Theater October of the People's Commissariat. Documentary chronicle. Unknown letters and reviews]. In: A.Blok. Neizvestnye materialy i retsenzii. Literaturnoe nasledstvo, vol. 92, part 5. Moscow, 1993, pp. 134-223.
4. Chukovskiy K. Works in 15 vols, vol. 12. Dnevnik. 1901—1921 [Complete works in 15 vols, vol. 12. Diary. 1901—1921]. Moscow, p. 218.
5. Ezhegodnik Rukopisnogo Otdela Pushkinskogo Doma na 2013 god. Novye postupleniya [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2013. New arrivals]. St. Petersburg, 2014, pp. 728, 730, 736.
6. Blok v arkhive Chukovskogo. Publikatsiya i primechaniya E.Ts.Chukovskoy [Block in Chukovsky's archive. Publication and notes by E.Ts.Chukovskaya]. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya. Literaturnoe nasledstvo, vol. 92, part 4. Moscow, 1987, pp. 315-316.
7. Timenchik R. Po delu № 214224 [Case No. 214224]. Daugava. Riga, 1990, Avgust (158), pp. 117-122.
8. Ivanova E.V. Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni [Alexander Blok: the last years of his life]. St. Petersburg, Moscow, 2012, pp. 282-292.
9. Ivanova E.V. A.A. Blok v rabote nad proektom «Sto luchshikh russkikh knig» [A.A.Blok in the work on the project “One hundred best Russian books”]. Russkaya literatura, 2020, no. 4, pp. 109-127.

10. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. 5-ye izd. T. 53. Pis'ma. Iyun' — noyabr' 1921 [Complete works. 5th edition Vol. 53. Letters. June — November 1921]. Moscow, 1965, p. 169.
11. Zubarev D., Perchenok F. Na polputi ot polupravd: O tagantsevskom dele i ne tol'ko o nem [Halfway from half-truths: About the Tagantsev case and not only about it]. Available at: <http://www.gumilev.ru/biography/92/#p17>; <http://gumilev.lit-info.ru/gumilev/bio/na-polputi-ot-polupravd-zubarev-perchenok.htm> (accessed: 20.06.2022).
12. Grigorkov Yu.A. B.P.Sil'versvan (1883—1934). Vremennik Obshchestva družey russkoy knigi, 1938, vol. 4, p. 284.
13. Gor'kiy M. Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t. T. 14. Pis'ma. 1922 — may 1924 [Complete works. Letters in 24 vols, vol. 14. Letters. 1922 — May 1924]. Moscow, 2009, p. 22.
14. Vaynberg I. Zhizn' i gibel' berlinskogo zhurnala “Beseda” [The life and death of the Berlin “Beseda” journal]. Novoe literaturnoe obozrenie, 1996, no. 21, pp. 361-376.
15. Sil'versvan B. Russkie knigi Gel'sinforskogo universiteta [Russian books of Helsingfors University]. Vremennik Obshchestva družey russkoy knigi, vol. III. Paris, 1932, pp. 79-92.
16. Gor'kiy M. Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t. T. 19. Pis'ma. Aprel' 1929 — iyul' 1930 [Complete works. Letters in 24 vols, vol. 19. Letters. April 1929 – July 1930]. Moscow, 2017, p. 315.
17. Gor'kiy M. Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t. T. 20. Pis'ma. Avgust 1930 — noyabr' 1931 [Complete works. Letters in 24 vols, vol. 20. Letters. August 1930 – November 1931]. Moscow, 2018, p. 182.

Ivanova E.V., Zhukhovitskaya L.G. B.P.Silversvan's letters to M.Gorky (based on the materials of the Archive of Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences). The publication is devoted to the history of M.Gorky's relations with B.P.Silversvan, one of the employees of the publishing house “World Literature”, a privatdocent of St. Petersburg University, a Germanist and a specialist in Scandinavian literatures. The relationship between them arose during the existence of the publishing house, Silversvan was a member of the Editorial Board of experts in the department of Scandinavian literature. Silversvan became famous after the publication of his letter to A.V.Amfiteatrov in 1931, becoming a key witness in the question of N.S.Gumilev's involvement in the Tagantsev conspiracy. In this publication, there is another part of Silversvan's letter where he describes the content of his conversation with Gorky, which took place in the autumn of 1921. In this conversation, Gorky not only supported his idea of fleeing Russia, but also made a number of confessions concerning his attitude to the Bolshevik authorities and V.I.Lenin. Silversvan's letters to Gorky are published for the first time based on autographs from the A.M.Gorky's Archive of A.M.Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. They indicate that the writer continued to maintain relations with Silversvan during the period of emigration and responded to his requests and petitions as far as possible.

Keywords: publishing house “World Literature”, B.P.Silversvan, correspondence of M.Gorky, Gorky's relations with emigration.

Сведения об авторах. Евгения Викторовна Иванова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М.Горького Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-2076-0424; evi@l-z.ru; Лариса Григорьевна Жуховицкая — инженер-исследователь, Институт мировой литературы им. А.М.Горького Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-9240-594X; zhukhovitskaya11@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.10.2022. Принята к публикации 15.11.2022.

Ссылка на эту статью: Иванова Е.В., Жуховицкая Л.Г. Письма Б.П.Сильверсвана М.Горькому (по материалам Архива А.М.Горького ИМЛИ РАН) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 6(45). С. 720-726 . DOI: 10.34680/2411-7951.2022.6(45).720-726

For citation: Ivanova E.V., Zhukhovitskaya L.G. B.P.Silversvan's letters to M.Gorky (based on the materials of the Archive of Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences). *Memoirs of NovSU*, 2022, no. 6(45), pp. 720-726. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.6(45).720-726